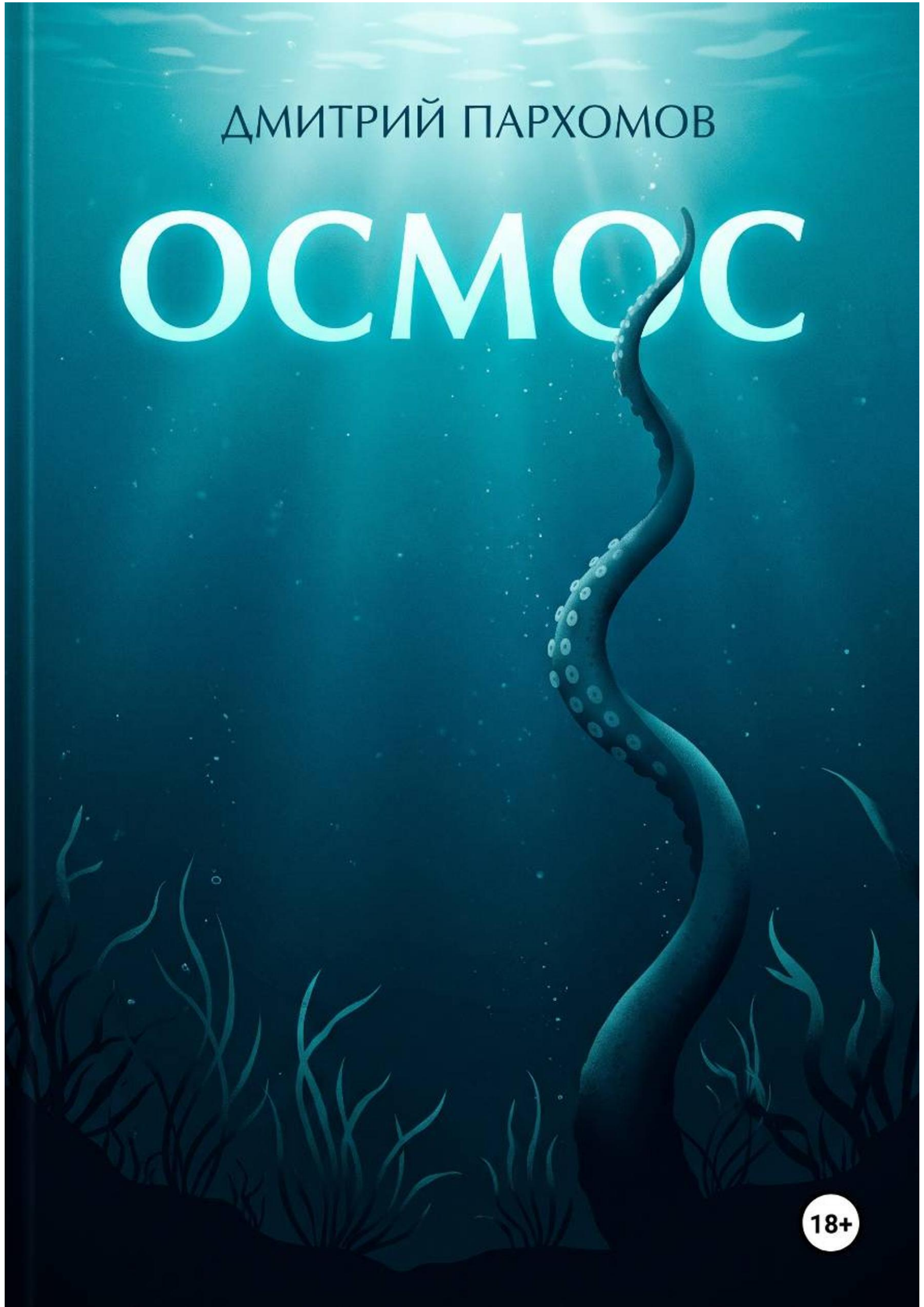
ДМИТРИЙ ПАРХОМОВ

ОСМОС

18+

Дмитрий Пархомов

Осмос

«Автор»
2026

Пархомов Д. А.

Осмос / Д. А. Пархомов — «Автор», 2026

Аннотация Шесть веков назад океаны прародины вскипели от ядерного огня. Элита расы Тракси бежала в стерильные купола Скроберры, бросив миллиарды сородичей гнить в радиоактивной бездне. Но жизнь на дне не исчезает — она адаптируется. Спустя столетия перенаселённая и задыхающаяся в собственных интригах республика Тракси находит чудовищный выход: перерабатывать выживших мутантов-Клебирулов в синтетический белок для своей армии. Когда холодная химическая ложь сталкивается с первобытной генетической памятью, между двумя расами, забывшими о своём родстве, встают лишь опальная журналистка, слепой патриарх и штурмовик, в чьей крови растворился чужой ужас. «Осмос» — это глубоководный биопанк-триллер о том, что самой страшной силой во вселенной является не плазма и не радиация, а память, которую невозможно выжечь.

© Пархомов Д. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ОСМОС 5
ПРОЛОГ. Температура кипения 6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, ЭПОХА ДЕМОКРАТИИ 7
Глава 2. Вкус планктона 11
Глава 3. Инкубатор № 4 14
Глава 4. Перевес в один голос 17
Глава 5. Реликвии в свинцовой оправе 21
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Дмитрий Пархомов
Осмос

ОСМОС

Аннотация Шесть веков назад океаны прародины вскипели от ядерного огня. Элита расы Тракси бежала в стерильные купола Скроберры, бросив миллиарды сородичей гнить в радиоактивной бездне. Но жизнь на дне не исчезает — она адаптируется. Спустя столетия перенаселённая и задыхающаяся в собственных интригах республика Тракси находит чудовищный выход: перерабатывать выживших мутантов-Клебирулов в синтетический белок для своей армии. Когда холодная химическая ложь сталкивается с первобытной генетической памятью, между двумя расами, забывшими о своём родстве, встают лишь опальная журналистка, слепой патриарх и штурмовик, в чьей крови растворился чужой ужас. «Осмос» — это глубоководный биопанк-триллер о том, что самой страшной силой во вселенной является не плазма и не радиация, а память, которую невозможно выжечь.

ПРОЛОГ. Температура кипения

Океан умирал не в тишине. Он умирал с оглушительным, сводящим с ума воем кавитации.

Инженер-гидролог третьего ранга Шларк висел у бронированного иллюминатора геотермальной станции, вцепившись побелевшими от напряжения щупальцами в поручень. Внешние микрофоны давно сгорели, но звук передавался прямо через толщу базальта, ударяя по боковой линии так, что статоцисты во внутреннем ухе взрывались болью.

Над ними, в верхних слоях океана Вирбира, распускались ослепительные, противоестественные цветы термоядерных взрывов.

Культ Процветания сдержал своё слово. Они решили «ускорить эволюцию», очистив планету от слабаков.

Шларк смотрел, как сквозь кипящую, насыщенную пеплом и радиоактивным шлаком воду пробиваются колоссальные серебристые силуэты. Двенадцать исполинских ковчегов. «Эра рассвета», «Эра благополучия», «Несущий добро»... Элита планеты — жрецы, сенаторы, чистые генетические линии аристократов — уходила к звёздам, спасаясь от огня, который сами же и разожгли.

А внизу, на стартовых стапелях, остались миллионы тех, кому не досталось посадочных талонов.

В воде мимо иллюминатора проплыл кто-то из техников станции. Шларк даже не смог узнать его лица. Температура забортной воды уже достигла семидесяти градусов. Смертоносное гамма-излучение прошивало океан насквозь. Геном Тракси, несущий в себе древнюю поломку фермента HGV-5894LA, не умел восстанавливать разорванные радиацией цепочки ДНК. Кожа проплывающего мимо техника уже слезала белыми, варёными лоскутами, обнажая сочащиеся синей сукровицей мышцы. Его глаз лопнул от осмотического давления, но он всё ещё судорожно грёб верхними щупальцами вслед уходящим ковчегам, пытаясь догнать тех, кого догнать было невозможно.

Шларк опустил взгляд на свои собственные руки.

Кончики его щупалец покрылись чёрными, обугленными язвами. Дыхательный сифон хрипел, пропуская отравленную изотопами стронция воду. Он чувствовал, как внутри него умирают миллионы клеток в секунду.

Но вместе со смертью приходило что-то ещё. Что-то тёмное, первобытное, рождающееся из самой глубины отчаяния.

Его тело отказывалось сдаваться. Радиация убивала клетки, но выжившие ткани, сходя с ума, начали делиться с пугающей, неконтролируемой скоростью. Кожа на спине Шларка уплотнялась, твердела, превращаясь в грубый роговой панцирь. Боль была невыносимой, но сквозь неё в его закипающем мозгу пульсировала лишь одна кристально ясная мысль, которую он должен был передать своим детям. Своим личинкам, спрятанным на самом дне свинцовой шахты.

«Они бросили нас. Они сожгли наш дом. Запомните это каждой каплей своей крови. Запишите это в своих генах».

Шларк прижался деформирующимся, обрастающим известковыми наростами лицом к стеклу, провожая взглядом последнюю вспышку маршевых двигателей уходящего ковчега. В этот момент он перестал быть Тракси.

В радиоактивном иле Вирбира рождался первый Клебирул.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, ЭПОХА ДЕМОКРАТИИ
Глава 1. Дыхательная жидкость и золотой клюв

Марафонское заседание межпланетного Конгресса длилось уже четырнадцатый стандартный час, и в главном куполе орбитального дворца над Скроберрой ощутимо пахло перегретым перфторуглеродом, старым хитином и чужой, липкой жадностью.

Регенераторы воздуха в верхних ярусах не справлялись с нагрузкой: плотная дыхательная жидкость, заполнявшая трёхсотметровый амфитеатр, потеряла утреннюю прозрачность и теперь отливала мутновато-сизым оттенком, сквозь который люминесцентные светильники под сводом казались размытыми медузами. За толстыми бронестёклами обзорных арок, заменявших потолок, медленно проворачивалась громада Скроберры — тёплый, безмятежный водяной шар, опутанный серебристыми спиралями циклонов.

Ксабир висел в толще воды в ложе высшего жречества, лениво перебирая тремя передними щупальцами край своей церемониальной мантии, сотканной из глубоководного шёлка с перламутровым отливом. Остальные пять удерживали его в мягком магнитном захвате кресла, компенсируя микрогравитацию орбитального шпиля. На правом предплечье Ксабира, чуть ниже пульсирующей жаберной щели, тускло поблёскивал золотой знак Второго Консула. Пока что — Второго.

На центральной трибуне, подсвеченной холодным прожектором, медленно покачивался представитель Партии Благоденствия — обрюзгший, отливающий тусклым зимним жёлтым окрасом сенатор с ледяного Клешнебора. Его массивный, загнутый книзу роговой клюв щёлкал в такт акустическому транслятору, отчего по воде расходилась мелкая, раздражающая вибрация, щекотавшая боковую линию сидящих в первых рядах.

— …и потому, уважаемые члены Конгресса, — вещал он, патетически разводя передними щупальцами, на каждом из которых поблёскивали платиновые кольца горнодобывающих синдикатов, — мы обязаны самым тщательным образом рассмотреть этические и биотехнологические аспекты оптимизации биомассы для личинок пролетариата! Если прирост населения в нижних рифах Шлепподона и Скроберры сохранится на уровне четырёх процентов за цикл, классических плантаций генетического планктона нам перестанет хватать уже через восемь стандартных лет! Мы не можем допустить, чтобы молодое поколение Тракси испытывало дефицит аминокислот на стадии формирования раковинного зачатка!

Ксабир подавил раздражённый щелчок клювом и чуть прикрыл свой огромный, занимающий почти треть головы, фасеточно-хрусталиковый глаз. *Лицемеры.* Каждое слово — патока, каждая фраза — забота о благе вида, а за спиной — холодный расчёт. Они готовы часами переливать из пустого в порожнее про «этику белкового баланса», лишь бы не трогать собственные налоговые льготы на экспорт редких кораллов с Приората и не снижать квоты на вылов глубинного криля для элитных ресторанов Верхнего Кольца.

Рядом в соседнем кресле заворочался старый сенатор Плюхозвяк — верный союзник по Партии Рекреации, чья спинная мантия давно поседела от возраста и обросла известковыми наростами. Он наклонился к Ксабиру, прикрыв ротовую щель щупальцем, чтобы направленный акустический луч не перехватили чужие сенсоры.

— Тянут время, Ксабир, — пророкотал он на низких частотах. — Хотят вымотать зал до вечернего голосования, чтобы нейтралы с верфей Бульбухауса уснули прямо в шлейфах и нажали кнопки не глядя. Влагорад сегодня потратил на кулуары больше кредитов, чем стоит весь флот береговой охраны.

— Пусть тратит, — Ксабир позволил своему сезонному окрасу слегка смениться с официального строго-фиолетового на тёплый золотистый оттенок — знак высшего расположения и

несокрушимой уверенности жреца. — Кредиты хороши, когда за ними стоит вера или страх. У Влагорада нет ни того, ни другого. Только жирные счета и привычка покупать всё, что плавает.

Личный секретарь Ксабира, молодой послушник Культа Добра по имени Трюфель с ещё не до конца окрепшим панцирем на спине и вечно испуганным взглядом, бесшумно подплыл к ложе. Он двигался слишком суетливо, поднимая лишние завихрения воды — Ксабир мысленно отметил, что после заседания стоит отправить его на неделю в монастырские акватории для отработки пластики. Послушник протянул герметичный сланцевый планшет.

— Ваше благовестие, — прошелестел он через ближний вокодер, стараясь не нарушать акустический фон зала. — Комитет по рекреации и туристическим акваториям завершил проводку. Пакет целевых субсидий для нейтральных сенаторов от Бульбухауса переведён на их закрытые счета через подставные фонды санаториев Приората. Двадцать два голоса гарантированы. Плюс шестнадцать наших, плюс девять от церковного блока…

— Итого сорок семь, — перебил Ксабир, пробегая глазом по столбцам цифр. — При кворуме в девяносто два мне нужно сорок семь. Остаётся только делегация Пузырьграда. Пять голосов. Что с ними?

Послушник замялся, его щупальца нервно сжались в узел, а жаберные крышки затрепетали чаще обычного.

— Они… они взяли аванс утром, господин Ксабир. Но час назад их старший делегат, толстяк Слизнебрюх, ужинал в закрытом куполе с Влагорадом. Говорят, им пообещали монополию на поставку топливного метана для Третьего флота на десять циклов вперёд.

Ксабир медленно повернул голову. Вода вокруг него словно мгновенно похолодела — хотя терморегуляторы зала исправно держали ровно двадцать один градус.

Влагорад. Этот жирный, самодовольный моллюск из Партии Благоденствия, который вечно прятал своё дряблое, оплывшее тело в дорогих экзоскелетах ручной работы из титана и перламутра. Он сидел в противоположном секторе амфитеатра, окружённый плотным кольцом промышленных магнатов, владельцев планктонных ферм и отставных адмиралов. Как раз в этот момент, словно почувствовав тяжёлый взгляд Ксабира сквозь толщу мутноватой жидкости, он обернулся.

Влагорад не отвернулся. Напротив — он лениво поднял правое щупальце, унизанное перстнями, в издевательском приветствии и чуть приоткрыл свой короткий, широкий клюв. Без звука, одними контурами и движением щупалец на древнем языке глубин, Ксабир прочёл: *«Не хватит, Ксабир. Добро сегодня стоит дешевле метана»*.

Вокруг него зашевелились прихлебатели — кто-то тихо щёлкнул клювом, кто-то выпустил из жабр цепочку серебристых пузырьков, изображая смех.

Ксабир отвернулся первым, сохраняя непроницаемое, каменное величие жреца высшего ранга Культа Добра. Ни один мускул на его голове не дрогнул, ни одно щупальце не сжалось. В конце концов, истинное благо не терпит суеты. Истинное благо умеет считать. И если арифметика голосования вдруг начинает сбоить, значит, настало время менять саму систему счёта.

Когда председатель наконец ударил тяжёлым базальтовым жезлом по резонансной плите, объявляя двухчасовой перерыв перед решающим вечерним голосованием за пост Первого Консула, Ксабир не стал задерживаться в кулуарах. Там уже вовсю кипела привычная возня: сенаторы сбивались в стаи, торговались за поправки к бюджету, обменивались компроматом и фальшивыми улыбками.

Он же направился прямиком к шлюзу личного терминала.

Через пять минут, миновав двойную декомпрессионную камеру, где из его скафандра слили остатки затхлой парламентской жидкости и подали свежую, насыщенную кислородом и лёгкими тонизирующими солями взвесь, Ксабир шагнул в прозрачную лифтовую капсулу.

Капсула мягко отделилась от магнитных рельсов орбитального шпиля и заскользила вниз, к стыковочному узлу его личного крейсера, висевшего на низкой орбите.

За изогнутым кварцевым стеклом бушевали тяжёлые фиолетово-серебристые облака верхних слоёв атмосферы Скроберры. Под ними, на глубине десяти километров, расстилался бескрайний тёплый океан новой родины Тракси — богатый планктоном, спокойный, освещённый ровным, ласковым светом стабильной жёлто-белой звезды. Планета-рай. Планета, где всё создано для того, чтобы моллюск жил в сытости, тепле и покое.

Не то что Вирбир.

При одном воспоминании об этом имени у Ксабира до сих пор едва заметно сводило основание щупалец — древняя, непроходящая генетическая память, вшитая в каждую клетку вида Тракси. Вирбир — спутник колоссального фиолетово-чёрного газового гиганта с тремя исполинскими кольцами из газа, ледяной пыли и захваченных астероидов. Там, в бездонных, вечно бурлящих от чудовищных приливов океанах, где гравитация гиганта искривляла само пространство и время текло медленнее, предки Тракси десять тысяч поколений правили подводными городами-рифами. Дворцы из перламутра и живого коралла, биолюминесцентные сады, уходящие в синюю бездну, величественные храмы великих богов — Малусафа, Коглавадра и Дорамерзмы, которые, по легендам, избрали Вирбир своим домом именно из-за этой замедленной поступи вечности.

Пока не пришёл Культ Процветания.

Безумцы, возомнившие себя творцами новой жизни, решили, что ядерный огонь станет «ускорителем эволюции». Они запустили термоядерные боеголовки прямо в толщу родного океана. Альфа, бета, гамма — всё смешалось в воде, превратив колыбель цивилизации в кипящий, светящийся радиоактивный котёл. Вид Тракси был слишком хрупок для такого кощунства: проклятая мутация в гене, отвечающем за фермент *HGV-5894LA*, закрепилась ещё в кембрии их предков. Их клетки не умели чинить разорванные радиацией цепочки ДНК.

Те, кто не успел уйти на двенадцати великих ковчегах — в том числе на легендарной «Эре рассвета», чей корпус до сих пор стоял на стапелях Третьего флота, — умирали в неописуемой агонии. Щупальца скручивались в узлы, глаз мутнел и вытекал, роговой клюв крошился, как пережжённая известь. А те немногие, кто всё-таки выжил на дне отравленных впадин и приспособился… перестали быть Тракси.

Они стали Клебирулами.

Распухшими, вечно гниющими чудовищами с уродливым панцирем, который непрерывно трескается, кровоточит и нарастает снова, источая такое зловоние, что даже через фильтры скафандра першит в жабрах. Они сохранили разум, но утратили душу. Отказались от священной республики, ввели кровавую диктатуру и до сих пор ползали по радиоактивным руинам святой земли, оскверняя храмы богов своими мерзкими культами крабов и акул.

И вот теперь, спустя века, Сенат Скроберры был готов отдать власть Влагораду — торговцу, который на прошлой неделе в частной беседе прямо заявил Ксабиру: *«Оставь ты этот Вирбир в покое, Ксабир. Нам не нужны ни их руины, ни эти гниющие мутанты. Проще наладить с ними торговлю тяжёлыми изотопами»*.

Торговлю. С теми, кто топчет алтари Малусафа.

Ксабир смотрел на приближающуюся синюю гладь океана Скроберры, и в его голове медленно, кристально чётко складывалась окончательная картина.

Конгресс погряз в мелочной торговле. Влагорад и его шайка готовы продать душу и память предков ради лишнего процента прибыли с верфей Бульбухауса и метановых шахт Пузырьграда. Народ жиреет, тонет в дешёвых развлечениях, забывая о великой миссии Тракси. Они думают, что добро — это тёплая вода, полный желудок и красивые речи с трибуны.

Они ошибались. Ксабир знал истину: подлинное добро — это хирург, который без жалости вырезает гангрену, даже если пациент визжит от боли. Добро должно иметь кулаки. Добро должно иметь флот. И если для торжества добра придётся пролить немного грязной крови в кулуарах Сената — боги простят. Боги сами ждут этого.

Мягко зуммернул защищённый терминал связи в стенке капсулы. На небольшом экране вспыхнуло затенённое лицо доверенного координатора подпольной сети Культа Добра на Скроберре — бывшего командира спецназа глубинной разведки, чьё имя не значилось ни в одном официальном реестре.

— Ваше благовестие, — произнёс он ровным, лишённым эмоций голосом. — Боевые группы в чёрных экзоскелетах заняли исходные позиции в технических коллекторах под кварталом Сената. Тридцать две цели из списка Партии Благоденствия находятся в своих резиденциях, охрана пересчитана, пути отхода перекрыты. Но наши люди в аппарате Конгресса подтверждают: Слизнебрюх только что переписал голоса Пузырьграда на Влагорада. Вы проиграете с разницей в один голос. Нам переходить к протоколу «Очищение» прямо сейчас, до голосования?

Ксабир на секунду прикрыл глаз, прислушиваясь к тихому гулу магнитных направляющих капсулы. Внизу уже виднелись грандиозные прозрачные купола столицы, сияющие в глубокой воде подобно рассыпанной горсти жемчуга. Миллионы мирных, сытых Тракси плавали сейчас между коралловыми башнями, даже не подозревая, что сегодня ночью решается судьба всей галактики.

— Нет, — тихо ответил Ксабир, чувствуя, как внутри разливается холодное, кристальное, почти святое спокойствие. — Пусть Влагорад насладится своим триумфом. Пусть произнесёт речь. Пусть наденет цепь Первого Консула. Демократия — прекрасная вещь, когда ты её контролируешь. И мы должны показать народу, что уважаем его выбор до самого конца.

— А после? — спросил координатор.

Ксабир посмотрел на своё отражение в кварцевом стекле — строгий фиолетовый окрас, золотой знак на предплечье, неподвижный, холодный взгляд жреца.

— А после полуночи, когда они начнут делить портфели и праздновать победу… мы начнём очищение. Лично я займусь Влагорадом.

Капсула мягко вошла в воду, разрезая тёплую толщу океана, и устремилась к сияющим куполам Сената. До объявления имени Первого Консула оставалось меньше двух часов.

Глава 2. Вкус планктона

На глубине четырёх километров, куда почти не пробивался желтоватый свет звезды Скроберры, океан пах совсем иначе, чем в стерильных, благоухающих озоном куполах орбитального дворца. Здесь вода была густой, тяжёлой, пропитанной взвесью донного ила, меловой пылью от работы горнодобывающих драг и кисловатым, с примесью сероводорода, выхлопом старых геотермальных регенераторов.

Касандра медленно скользила вдоль заросшего тусклым люминесцентным мхом акведука Нижнего Рифа, прижимая к боковой мантии плоский титановый кофр с портативной аппаратурой. Её сезонный окрас сейчас был блёкло-оливковым, почти сливающимся с тенью базальтовых опор — идеальная маскировка для репортёра независимого канала «Глубинный Свет», которого на этой неделе уже дважды пытались «случайно» прижать тяжёлым грузовым батискафом в узком транспортном тоннеле.

Она замерла у изгиба трубы, дожидаясь, пока мимо с глухим рокотом винтов проплывёт патрульный катер береговой охраны Партии Рекреации. Прожектор катера скользнул по известковым наростам в паре метров от неё, выхватив из мрака стайку слепых глубоководных креветок, и ушёл дальше в сторону личиночных яслей. Лишь когда вибрация винтов окончательно затихла в толще воды, Касандра коротко выдохнула через сифон и нырнула в узкую расщелину за старым коллектором.

Редакция «Глубинного Света» ютилась в заброшенном кессоне списанной геотермальной станции — на самой границе между жилыми сотами пролетариата и дикой, неосвоенной бездной. Место было сырым, неуютным и невероятно шумным из-за вечного гула соседних насосных турбин, но у него имелось одно неоспоримое преимущество: толстые свинцово-базальтовые плиты перекрытий глушили любые сканеры орбитальной разведки.

Двойной шлюз глухо лязгнул за спиной Касандры, откачивая холодную забортную воду и заполняя отсек тёплой, очищенной дыхательной жидкостью. Едва индикатор над переборкой сменился с тревожного красного на тускло-зелёный, она откинула прозрачный щиток шлема, стряхнула с рогового клюва капли фильтрата и выплыла в главный зал.

Внутри царил привычный, почти уютный хаос. Три голографических терминала мерцали в полумраке синеватыми столбцами цифр и спектрограмм, у стеллажей с архивными кристаллами клубилась мелкая взвесь от давно не чищенных фильтров, а в центре комнаты, вцепившись четырьмя мощными щупальцами в край монтажного стола, висел её напарник, звукоинженер и главный технический гений канала — старый, одноглазый Тракси по имени Плюхтер. Второй его глаз вытек ещё сорок циклов назад во время взрыва плазменного котла на верфях Бульбухауса, и пустую глазницу теперь закрывала грубая, отполированная до матового блеска перламутровая заглушка.

— Я уже собирался запускать в эфир некролог, — пророкотал Плюхтер на низких частотах, не отрываясь от акустического анализатора. Его массивный, зазубренный по краям клюв щёлкнул с сухим треском. — Над Сенатским кварталом час назад перекрыли все гражданские трассы. Ксабир и Влагорад устроили финальную грызню за цепь Первого Консула, город кипит, патрули шныряют в каждом жёлобе, а ты пропала на двое суток в Нижних Сотах. Нашла хоть что-нибудь стоящее, кроме хронического отёка жаберных лепестков?

— Нашла то, от чего у всего Верхнего Кольца жабры склеятся навсегда, — Касандра подплыла к столу, расстегнула магнитные замки кофра, вытащила герметичный титановый пробоотборник и с глухим стуком опустила его на рабочую панель. — Семь образцов из разных распределительных хабов в кварталах сборщиков криля и на перевалочных складах Шлепподона. Плюс полные выписки из закрытых логистических реестров Партии Рекреации. Мне их слил один перепуганный клерк из транспортного департамента — за пять ампул выдержанного

ферментированного нектара криля и клятвенное обещание никогда не называть его имени в эфире.

Плюхтер наконец оторвался от приборов и повернул голову. Его единственный фасеточно-хрусталиковый глаз сузился, фокусируясь на мутновато-розовой, слегка опалесцирующей взвеси внутри бронированного стеклянного цилиндра.

— И что это за варево? Очередная партия переработанного ила с добавлением синтетического крахмала? Если жрецы Культа Добра снова экономят на пайках рабочих ради позолоты статуй Малусафа и Коглавадра, этим никого в Нижнем Рифе не поднимешь. Пролетариат привык глотать любую дрянь, лишь бы брюхо не сводило.

— В том-то и дело, что они не экономят, Плюхтер, — тихо сказала Касандра, подключая свой сланцевый планшет к центральному терминалу и разворачивая над столом каскад светящихся таблиц. — Посмотри на графики снабжения. За последние три месяца в экспериментальных кварталах Нижнего Рифа и на личиночных фермах Шлепподона появился новый «обогащённый белковый концентрат». Продаётся за гроши — на сорок пять процентов дешевле обычного планктонного брикета. Личинки на нём растут вдвое быстрее нормы, панцирь на спинной мантии твердеет на месяц раньше срока.

— Ну и в чём подвох? — буркнул звукоинженер, потирая щупальцем переносицу над клювом. — Может, их биоинженеры наконец вывели новый штамм водорослей.

— Добыча водорослей и планктона на фермах Шлепподона за последний цикл не выросла ни на тонну, — возразила Касандра, увеличивая красную колонку цифр. — Более того: в официальном бюджете Конгресса на закупки этого концентрата не проведено ни единого кредита. Товар возникает из воздуха, проходит через закрытые медицинские склады Культа Добра и сразу идёт в кормушки пролетариата.

Плюхтер нахмурился, подплыл ближе и запустил молекулярный сканер. Над столом развернулась вращающаяся трёхмерная голограмма белковой спирали. Секунду в отсеке было слышно только мерное, глухое бульканье старого аэратора под потолком и далёкий гул городских турбин.

— Погоди… — пробормотал Плюхтер, и его единственное щупальце замерло над панелью управления. — Что это за аминокислотный профиль? Я тридцать лет чинил биореакторы на верфях, я знаю на память спектры всех промысловых видов от Клешнебора до Пузырьграда. Это не планктон. И не криль. И даже не глубоководный червь.

Он увеличил седьмой сегмент цепочки, и по комнате разлилось тревожное багровое свечение индикатора.

— Касандра… это же профиль головоногого моллюска. Почти стопроцентное совпадение с нашим собственным геномом Тракси, только с чудовищным радиационным сдвигом и следами стабильных изотопов стронция-90. Откуда в пищевом концентрате для личинок стронций и почти наша собственная плоть?!

— Из сектора фиолетово-чёрного газового гиганта, — ответила она, чувствуя, как по спинной мантии пробегает ледяной, липкий холодок. — Я два дня взламывала архивы орбитальных маяков. Каждые десять суток из запретного периметра возвращаются три тяжёлых десантно-транспортных баржи без опознавательных знаков. Они швартуются по ночам в закрытых доках Партии Рекреации. По официальным накладным они возят «редкоземельный грунт с необитаемых астероидов». Но их реальный курс лежит прямо к орбите Вирбира.

Плюхтер медленно обернулся к ней. Окрас его кожи пошёл неровными, болезненно-серыми пятнами — верный признак глубокого потрясения у старых моллюсков, переживших ещё первые десятилетия после Исхода.

— Вирбир? — выдохнул он почти беззвучно, и из его жаберных щелей вырвалось несколько мелких пузырьков. — Но там же мёртвая зона, Касандра. Туда после ядерного безумия Культа Процветания не суётся ни один нормальный капитан. Там живут только эти… Кле-

бирулы. Выродки с гниющей чешуёй, от которых фонит так, что фильтры сгорают за час. Что там можно вылавливать?

Касандра не ответила сразу. Она вывела на главный экран вторую вкладку — перехваченную техническую спецификацию из закрытой лаборатории на Пузырьграде, скреплённую личной цифровой подписью главного биоинженера проекта, некой Слиземіры. В графе «Технологический регламент» значилась сухая, аккуратная строчка: *«Нейтрализация дефектного фермента HGV-5894LA, деактивация радиоактивных изотопов и гомогенизация белковой массы. Опытная серия № 7. Промышленный запуск — после утверждения мандата Первого Консула»*.

— Они пока только тестируют технологию на пробных партиях, Плюхтер, — медленно произнесла Касандра, глядя на мутно-розовую взвесь в стеклянном цилиндре. — Вылавливают одиночек и малые группы на окраинах рифов Вирбира, перемалывают их в белок и смотрят, как реагируют наши личинки на Скроберре. А на Вирбире живут сто тридцать миллионов Клебирулов. Бесплатное, бесконечное сырьё, которое Ксабир и его жрецы уже объявили «неразумными еретиками». Сегодня в Конгрессе они четырнадцать часов подряд рыдали о дефиците белка для пролетариата. Теперь понятно, какое именно решение они уже приготовили.

Плюхтер молчал долго. Его щупальца медленно сжимались и разжимались, словно он пытался выдавить из воды несуществующую грязь.

— Людоедство, — глухо пророкотал старый механик. — Они хотят накормить наших детей нашими же дальними родственниками, которых сами когда-то бросили умирать в радиоактивной воде. И назвать это заботой о народе.

В этот самый момент общий канал экстренного государственного вещания под потолком мигнул алым, и в полутёмный отсек ворвался торжественный, вибрирующий от восторга голос диктора Сената:

— *Граждане Скроберры и девяти миров! Подсчёт голосов в главном куполе орбитального дворца завершён! С историческим перевесом в один голос Первым Консулом межпланетного Конгресса избран Влагорад, лидер Партии Благоденствия!*

Плюхтер облегчённо выпустил из жабр целое облако серебристых пузырьков и шумно щёлкнул клювом.

— Ну вот и славно! Слышала? Твой жрец пролетел! Ксабир остался Вторым, а этот жирный торговец Влагорад удавится, но не отдаст Культу Добра ни одного кредита на их безумные экспедиции. Может, теперь всю эту лавочку на Пузырьграде прикроют…

Касандра не разделяла его радости. Она смотрела на застывшую молекулярную решётку на голограмме, потом перевела взгляд на экран внешних новостей, где торжествующий Влагорад в сверкающем титановом экзоскелете уже принимал тяжёлую золотую цепь Первого Консула, а за его спиной, в полутени ложи высшего жречества, неподвижно, словно высеченный из чёрного базальта, застыл Ксабир.

— Нет, Плюхтер, — тихо сказала она, включая шифрование на резервном передатчике и проверяя заряд аккумуляторов. — Жрецы, которые годами строят секретные биореакторы на Пузырьграде и гоняют баржи к Вирбиру, не проигрывают из-за одного голоса в Сенате. У меня такое чувство, что до утра в этой столице станет очень жарко. Не выключай сканеры ни на секунду.

Глава 3. Инкубатор № 4

На Шлепподоне не бывало настоящей ночи — только тягучие, буро-зелёные сумерки, когда оба светила системы уходили за горизонт и гигантские плантации модифицированной ламинарии на глубине двухсот метров начинали испускать ленивое фосфоресцирующее свечение.

Вода в четвёртом секторе Главного личиночного комбината была густой, почти сиропной от избытка питательных солей и переработанной органики. Огромные, уходящие в синюю мглу сотовые колонны — каждая высотой с тридцатиэтажную коралловую башню — гудели от непрерывной работы циркуляционных насосов. Внутри ста двадцати тысяч прозрачных мембранных ячеек шевелилось, пульсировало и жадно всасывало бульон будущее трудовой армии Девяти Миров.

Мужаблор висел у распределительного коллектора третьей галереи, сжимая двумя загрубевшими, покрытыми шрамами от кислотных ожогов щупальцами тяжёлый газовый ключ. Его некогда ярко-фиолетовая спинная мантия давно выцвела от постоянной работы в хлорированной воде и теперь напоминала кусок старого, потрескавшегося базальта, а левое щупальце ниже середины заменял грубый гидравлический протез со скрипучим титановым шарниром — память о том дне, когда десять циклов назад на соседней ферме рванул паровой автоклав.

— Опять клапан забило, чтоб им всем пусто было в глотке Дорамерзмы, — глухо проворчал Мужаблор, с силой проворачивая вентиль сброса давления.

Из патрубка в толщу воды вырвался густой, мутно-розовый сгусток питательной пасты, пахнущий чем-то приторно-сладким и одновременно металлическим — словно кто-то размешал в планктонном отваре ржавую железную стружку и старую кровь.

Рядом с ним, придерживаясь за скобу трапа, покачивался молодой сменный техник Хлюпик — совсем ещё зелёный парень из нижних ярусов Скроберры, присланный на Шлепподон по трудовой разнарядке три месяца назад. Его единственный глаз испуганно косил на прозрачную стенку ближайшей инкубационной соты.

— Дядька Мужаблор… ты только глянь на них, — прошелестел Хлюпик через трещащий рабочий вокодер, и его кожный окрас пошёл мелкими белёсыми пятнами. — Им же всего две недели от вылупления. У них клюв должен быть мягким, как водоросль, до третьего месяца. А эти… они уже мембрану грызут!

Мужаблор медленно отложил ключ в магнитный держатель на поясе и подплыл вплотную к полимерному куполу ячейки № 408-Б.

Внутри, в тёплом перламутровом студне, клубился выводок из полусотни личинок пролетариата. Обычно на четырнадцатые сутки молодь Тракси напоминала полупрозрачные, сонные мешочки с крошечными зачатками щупалец и огромным, мирно поблёскивающим глазом, которые лишь лениво фильтровали планктонное молоко.

Но то, что копошилось за переборкой сейчас, вызывало у старого техника глухую, первобытную дрожь в основании жабр.

Личинки были почти вдвое крупнее нормы. Их мантии уже налились тяжёлым, буро-багровым оттенком, а короткие, мускулистые щупальца судорожно переплетались в слепой грызне за каждый миллиметр пространства. Прямо на глазах Мужаблора самая крупная особь в центре кладки резко выбросила вперёд пару ловчих отростков, вцепилась в более слабого собрата, чей глаз был чуть мутноватым от врождённого дефекта, и одним коротким, страшным движением уже затвердевшего черного клюва вспорола ему брюшную сумку.

Внутри замкнутой ячейки расплылось облачко синеватой гемолимфы. Остальной выводок, почуяв свежую плоть, мгновенно набросился на раненого. Через десять секунд от слабой личинки остались лишь обрывки хитиновой плёнки.

— Боги глубин… — прошептал Хлюпик, пятясь назад и ударяясь спинным панцирем о трубу подачи воды. — Они же жрут друг друга! Тракси никогда не едят своих в колыбели! Даже в голодные годы после Исхода… Что с ними такое, Мужаблор?!

Старый бригадир не ответил. Его собственный глаз, окружённый сеткой глубоких морщин, не отрываясь смотрел на маркировку питательного трубопровода, подведённого к четвёртому сектору. Поверх старой жёлтой краски, обозначавшей стандартный водорослевый гидролизат с ферм Шлепподона, красовался свежий трафарет со знаком Культа Добра — три переплетённых щупальца вокруг сияющей сферы — и короткий штамп: *«Серия П-14. Оптимизированный протеин. Одобрено Комиссией по рекреации»*.

Уже третий месяц эту розовую дрянь спускали сверху по личному распоряжению аппарата Второго Консула Ксабира. Начальство комбината радовалось как безумное: показатели привеса биомассы били все исторические рекорды, смертность от рахита упала до нуля, а квартальные премии директорам текли рекой. Вот только рядовым техникам, которые чистили фильтры и меняли мембраны, строго-настрого запретили брать пробы из новых баков под угрозой трибунала и ссылки на ледяные рудники Клешнебора.

— Отойди от соты, малец, — глухо скомандовал Мужаблор, перекрывая подачу розовой взвеси в ячейку и пуская туда струю ледяной морской воды, чтобы остудить взбесившийся выводок. — И рот на замке держи, когда смена закончится. Начальник цеха вчера двоих сборщиков списал в утиль только за то, что они спросили, почему от новых брикетов пахнет жжёным йодом.

— Но ведь это же наши будущие рабочие, дядька Мужаблор! — голос Хлюпика дрожал. — Моя сестра на Скроберре месяц назад сдала икру в государственный инкубатор. Что, если её дети сейчас в такой же соте? Кого мы из них растим — строителей или стаю слепых глубоководных угрей, которые перегрызут глотки собственным матерям?!

Мужаблор тяжело развернулся всем корпусом. Его гидравлический протез глухо звякнул о бронестекло.

— Мы растим тех, кто нужен тем, наверху, — он ткнул металлическим захватом куда-то в сторону далёкой поверхности океана, за которой крутились невидимые отсюда орбитальные дворцы. — Им не нужны думающие моллюски, Хлюпик. Им нужны быстрые мышцы, крепкий панцирь и тупая ярость, которую можно направить туда, куда укажет золотой клюв с трибуны.

В этот момент по главной галерее прокатился резкий, вибрирующий удар гонга — сигнал окончания дневной вахты. Одновременно с ним под сводами инкубатора вспыхнули огромные голографические экраны информационной сети.

Мужаблор и десятки других техников в заляпанных органикой рабочих нагрудниках подняли головы, зависая в мутной воде между колоннами.

На экране, в ослепительном сиянии чистейшей, кристально прозрачной жидкости орбитального купола, красовался Влагорад. На его массивной груди поверх титанового экзоскелета покоилась тяжёлая цепь Первого Консула, а внизу бежала торжественная строка: *«Победа Партии Благоденствия! Перевес в один голос! Новый курс на экономическую стабильность!»*

Среди рабочих пронёсся сдержанный гул одобрения. Кто-то устало щёлкнул клювом, кто-то выпустил цепочку пузырьков:

— Слава Малусафу, этого фанатика Ксабира прокатили… — Может, при Влагораде хоть расценки на очистку рифов поднимут! — Да и эту розовую тухлятину от жрецов, глядишь, перестанут в кормушки лить!

Мужаблор смотрел на экран и не спешил радоваться. Камера трансляции на секунду скользнула в сторону — туда, где в полумраке ложи высшего жречества стоял проигравший Ксабир.

Старый рабочий прожил на свете пятьдесят два цикла. Он видел директоров комбинатов, которые урезали пайки втрое с ласковой улыбкой на устах; видел надсмотрщиков на Клеш-

неборе, которые забивали каторжников насмерть ради выполнения плана по руде. Но такого взгляда, какой сейчас был у неподвижного жреца Культа Добра, Мужаблор не видел никогда.

Ксабир не выглядел побеждённым. Он смотрел на ликующий зал амфитеатра так, как сам Мужаблор только что смотрел на мутную розовую жижу в забитом патрубке — как на сырьё, которое просто ждёт, когда откроют нужный вентиль.

— Не радуйтесь раньше времени, братцы, — негромко произнёс Мужаблор, снимая с пояса магнитный ключ и пряча в потайной карман рабочей мантии маленький герметичный флакон, куда он час назад украдкой сцедил сто граммов розового концентрата из трубы четвёртого сектора. — Сегодня ночью я отправлю эту дрянь со знакомым рулевым на Скроберру, в редакцию «Глубинного Света». Пусть проверят, чем именно Культ Добра кормит наших детей.

Он ещё раз покосился на ячейку № 408-Б, где в багровом полумраке сытые, раздувшиеся личинки доедали остатки своего брата, и мрачно добавил:

— Потому что у меня в печёнках сидит предчувствие, что эта жратва — только начало большого забоя.

Глава 4. Перевес в один голос

Последний удар резонансного гонга медленно затухал под сводами Великого Сенатского купола Скроберры, но вода в центральном колодце всё ещё мелко дрожала, передавая напряжение девяноста двух сенаторов прямо в чувствительные поры боковой линии Ксабира.

Над главным алтарём Закона, сложенным из привезённых ещё первыми ковчегами обломков вирбирского перламутра, вращалась исполинская голографическая сфера подсчёта. Миллионы микроскопических светящихся кристаллов внутри магнитного поля сбивались в два пульсирующих столбца — глубокий фиолетовый Культа Добра и ядовито-бирюзовый Партии Благоденствия.

Сорок пять — сорок пять.

Оставался последний сектор голосования — делегация газовых разработок Пузырьграда. Пять кресел в третьем ярусе.

Ксабир не смотрел на табло. Он висел в ложе консулов совершенно неподвижно, сложив шесть нижних щупалец в молитвенном замке жреца и опустив два верхних на гладкий базальтовый поручень. Его огромный фасеточно-хрусталиковый глаз был прикован к фигуре старшего делегата Слизнебрюха.

Тот сидел, глубоко вжавшись раздутой, студенистой мантией в амортизирующий ложемент кресла. Кожа Слизнебрюха на глазах меняла цвет, покрываясь трусливыми грязно-бурыми разводами, а вокруг его жаберных щелей то и дело вспухали облачка мутной слизи — верный признак того, что делегат испытывал жесточайший спазм страха. Слизнебрюх знал, что Ксабир смотрит на него. И всё же его короткое, усеянное бородавками щупальце медленно потянулось к панели и вдавило бирюзовую пластину.

Следом, словно стайка пугливых рыбёшек по сигналу вожака, кнопки нажали остальные четверо делегатов Пузырьграда: трое — за Ксабира (чтобы соблюсти видимость приличия за утренний аванс), один — воздержался.

Но единственного голоса самого Слизнебрюха хватило.

Бирюзовый столбец под куполом вздрогнул, вырос на одно деление и вспыхнул ослепительным золотым сиянием.

ВЛАГОРАД — 46. КСАБИР — 45. ВОЗДЕРЖАЛСЯ — 1.

В тот же миг верхние форсунки купола с глухим шипением выбросили в воду облака церемониальной золотистой пыльцы. Акустические излучатели грянули гимн Девяти Миров, и трибуны Партии Благоденствия взорвались оглушительным, торжествующим перестуком роговых клювов.

Рядом с Ксабиром тяжело, со свистом стравил воду из сифона старый сенатор Плюхозвяк. Его покрытые известковыми наростами щупальца так сильно сжали край ложи, что по древнему кораллу побежала трещина.

— Продажная падаль… — прохрипел старик через закрытый канал ближней связи, глядя, как Слизнебрюх торопливо выскальзывает из своего кресла и, пряча взгляд, ныряет в тень колоннады. — Утром клялся на алтаре Коглавадра, что все пять голосов наши! Перевёл себе восемь миллионов кредитов из фонда санаториев Приората и продал нас за один голос! Ваше благовестие, дайте мне два часа — мои ребята встретят его батискаф в разгонном жёлобе и вывернут ему мантию наизнанку!

Ксабир медленно накрыл дрожащее щупальце старика своим. Прикосновение жреца было холодным и твёрдым, как отполированный обсидиан.

— Успокой свои жабры, Плюхозвяк, — негромко произнёс Ксабир. Его собственный окрас не дрогнул ни на полтона — всё тот же безупречный, величественный фиолетовый отлив

высшего иерарха. — Если ты убьёшь мелкого воришку в ночь выборов, все поймут, что мы не умеем проигрывать. А Культ Добра выше базарной мести.

Он перевёл взгляд вниз, туда, где к центральному помосту уже подплывал Влагорад.

Массивный титановый экзоскелет победителя, инкрустированный пластинами радужного перламутра с бухт Гниловодья, сверкал под лучами прожекторов. Четверо верховных архонтов Конгресса опустили на широкую, заплывшую жиром грудь Влагорада тяжёлую золотую цепь Первого Консула.

И самое отвратительное заключалось в том, что происходило вокруг помоста.

Сенаторы от верфей Бульбухауса — те самые «нейтралы», которых Партия Рекреации прикармливала последние три цикла, — уже отцепляли от своих перевязей серебряные значки коалиции Ксабира. Один из них, длиннощупальцевый промышленник Краббон, даже не потрудился спрятать значок в карман: он просто разжал присоски, и серебряная пластинка с символом Добра медленно, кувыркаясь в восходящем потоке воды, опустилась на грязный базальтовый пол под ноги теснящейся свите Влагорада.

Ксабир проследил за падением значка до самого дна. В его памяти мгновенно всплыло имя Краббона — оно аккуратно легло на двадцать девятую строчку того списка, который сейчас хранился в зашифрованном ядре подземного штаба под рифами Скроберры.

— Поплыли, — Ксабир плавно оттолкнулся от поручня и расправил перламутровую мантию. — Нас ждут в Малом малахитовом куполе. Было бы невежливо заставлять нового Первого Консула пить нектар победы в одиночестве.

В Малом малахитовом куполе — закрытом зале для высшей элиты, чьи своды были выложены пластинами полупрозрачного уральского камня с погибшего Вирбира, — стоял густой, дурманящий аромат вытяжки полярных медуз.

Здесь не было прессы и мелких сошек из нижних комитетов. В тёплой, подкрашенной лёгким изумрудным свечением воде парили лишь три десятка самых богатых и влиятельных моллюсков Скроберры: владельцы планктонных монополий Шлепподона, адмиралы внутренних флотилий и главы банковских синдикатов. Слуги в ливреях беззвучно сновали между гостями, разнося на магнитных подносах пузатые хрустальные сферы с длинными клапанными мундштуками.

Когда шлюз открылся и в зал вплыл Ксабир в сопровождении лишь одного послушника Трюфеля, гул оживлённой беседы разом оборвался. Несколько сенаторов торопливо отплыли в сторону, освобождая пространство вокруг центральной ниши, где на широком коралловом ложе восседал Влагорад.

Первый Консул уже снял боевой шлем экзоскелета, обнажив огромную, бугристую голову с заплывшим от сытости глазом и коротким, тупым роговым клювом, края которого были инкрустированы мелкой алмазной крошкой. В правом щупальце он держал клапанную амфору с густым, тёмно-янтарным ферментированным нектаром криля, а левым лениво постукивал по стеклянному шару декоративного аквариума, встроенного прямо в подлокотник ложа. Внутри шара метался перепуганный синий краб-чистильщик, тщетно пытавшийся спрятаться от кружащей над ним слепой глубоководной мурены.

— А вот и голос нашей совести! — громогласно пророкотал Влагорад, и его брюшная мантия заколыхалась от беззвучного смеха, выпуская из-под золотой цепи струйки серебристых пузырьков. — Подплывай ближе, Ксабир! Не стой у шлюза, как бедный родственник с Клешнебора!

Ксабир приблизился, остановившись ровно в трёх метрах, и плавно склонил голову на предписанные законом пятнадцать градусов.

— Мои поздравления, Первый Консул, — голос Ксабира звучал безупречно ровно, словно отфильтрованная дистиллированная вода. — Великая демократия Скроберры сделала

свой выбор. Партия Рекреации и Культ Добра готовы к совместной работе ради процветания республики.

Влагорад приложился ротовой воронкой к мундштуку сферы, со смачным хлюпаньем втянул порцию густого нектара и довольно щёлкнул алмазным клювом.

— «Ради процветания республики», — передразнил он, обводя взглядом своих ухмыляющихся сторонников. — Слышали? Когда жрецу не хватает одного голоса, он сразу вспоминает о совместной работе! А ведь ещё утром твои проповедники на нижних ярусах кричали, что Партия Благоденствия погрязла в грехе стяжательства.

Он подался вперёд. Сервоприводы его титанового экзоскелета тихо зажужжали, преодолевая сопротивление воды. Одним резким движением Влагорад повернул крышку встроенного аквариума и встряхнул шар. Потерявший опору синий краб рухнул прямо на раскрытые челюсти мурены. Раздался сухой, отчётливый хруст панциря, и вода внутри стеклянной сферы окрасилась сизым облачком крови.

— Вот как устроена природа, Ксабир, — тихо, уже без прежнего пафоса, произнёс Влагорад, глядя прямо в неподвижный глаз Второго Консула. — Кто быстрее щёлкает челюстями, тот и определяет, что сегодня является благом. Ты умный моллюск. У тебя за спиной фанатики в храмах и половина курортов на Приорате. Зачем нам ссориться?

Ксабир чуть наклонил голову набок:

— Что именно ты предлагаешь, Влагорад?

— Я предлагаю тебе сделку, — Первый Консул небрежно махнул щупальцем. — Ты закрываешь свои смехотворные программы «оптимизации белка» в секретных лабораториях Пузырьграда. Отзываешь разведывательные баржи из сектора Вирбира. И навсегда забываешь слово «реконкиста». Мне не нужна война с мутантами ради древних развалин, которые не приносят ни кредита прибыли.

— А взамен? — мягко спросил Ксабир, хотя уже знал каждое следующее слово.

— А взамен я не стану давать ход докладу о том, куда ушли тридцать миллионов из бюджета социального страхования Нижнего Рифа, — Влагорад широко раздвинул створки клюва в подобии улыбки. — И даже оставлю за твоей Партией Рекреации комитет по культуре и санаторному отдыху. Будешь открывать новые грязевые купальни на Гниловодье, катать туристов на сухопутных трахееподах и читать проповеди старухам. Спокойная, сытая старость Второго Консула. Подумай, Ксабир. У нас с тобой впереди целый год полномочий. Не превращай его в войну, которую ты уже проиграл.

Вокруг снова зашелестели смешки. Промышленник Краббон, тот самый, что полчаса назад выбросил значок Ксабира на пол Сената, угодливо подал Влагораду свежую амфору с нектаром.

Ксабир медленно обвёл взглядом полукруг лоснящихся, сытых тел. Он видел их насквозь: каждую жировую складку под дорогим шёлком, каждую купленную квоту, каждый мелкий животный страх потерять свою тёплую кормушку. Влагорад думал, что купил власть. Он даже не подозревал, что только что подписал смертный приговор не только себе, но и всей этой прогнившей кучке торговцев.

Но спешить было нельзя. Сейчас за спиной Влагорада стояли гарнизон столицы и эйфория только что выигранных выборов. Нужно было дать им расслабиться. Нужно было попытаться — хотя бы для очистки совести перед богами — расшатать трон Влагорада изнутри, проверить его охрану на прочность, нащупать слабые места в его панцире. А если ни золото, ни яд не сработают… что ж, полгода пролетят незаметно.

— Твоя щедрость поистине достойна Первого Консула, Влагорад, — Ксабир снова склонил голову, и его кожа окрасилась в мягкий, смиренный песочно-жёлтый тон. — Культ Добра обдумает твои слова. В конце концов, как ты верно заметил… впереди у нас целый год.

Он развернулся и, не прощаясь с остальными, плавно направился к выходу из малахитового купола.

Когда массивные створки шлюза сомкнулись за его спиной, отсекая пьяный гомон банкета, послушник Трюфель в ужасе прошептал:

— Ваше благовестие… он же знает про лаборатории Слиземиры на Пузырьграде! И про баржи у Вирбира! Если он завтра пришлёт туда ревизоров…

Ксабир даже не замедлил движения. Его песчаный окрас смирения мгновенно схлынул, уступая место холодному, почти чёрному фиолету бездны.

— Ревизоры — тоже моллюски, Трюфель, — тихо сказал Ксабир, сворачивая в тёмный безлюдный коридор правительственного сектора. — Они дышат жидкостью, едят планктон и берут кредиты. А те, кто не берёт кредиты… иногда случайно захлёбываются в собственных скафандрах. Свяжись со Слиземирой. Пусть свернёт внешние лаборатории на Пузырьграде и переведёт все образцы на глубинные станции. И передай нашим химикам в закрытом крыле храма: мне нужен яд, который не оставляет осадка на фильтрах дыхательной смеси. У Влагорада впереди шесть очень беспокойных месяцев.

Глава 5. Реликвии в свинцовой оправе

На глубине семи километров под экваториальным шельфом Скроберры, в самом чреве Великого Храмового разлома, искусственных светильников не зажигали уже три столетия. Здесь царил первобытный сумрак времён Исхода — густой, бархатно-синий, пронизанный лишь холодным изумрудным свечением колоний слепого пещерного коралла, споры которого когда-то вывезли с гибнущего Вирбира в донных цистернах ковчега «Эра рассвета».

Вода в Святилище Трёх Божеств была тяжёлой, почти неподвижной и обжигающе ледяной — ровно четыре градуса выше нуля, как в придонных котловинах прародины. Изнеженным обитателям верхних куполов в такой стуже сводило мантию судорогой уже через десять минут, но верховный патриарх Конклава Тракси Бульбулон никогда не надевал здесь обогревающего скафандра.

Его грузное, морщинистое тело, покрытое сотнями белёсых ритуальных рубцов и вековыми наростами известковых трубок, медленно парило перед главным алтарём. Три исполинских изваяния, высеченных из цельных глыб метеоритного железа и чёрного вирбирского базальта, возвышались над ним в зелёном полумраке: Малусаф Созидающий, чьи двенадцать щупалец удерживали каменную сферу мироздания; Коглавадр Хранитель, застывший со щитом из реликтового перламутра; и Дорамерзма Судящая, чей рассечённый надвое клюв был вечно раскрыт для последнего приговора.

У подножия статуи Дорамерзмы покоился массивный многогранный саркофаг из литого свинца и баритового камня — хранилище Осколка Первого Рифа.

Бульбулон медленно протянул вперёд два передних щупальца, кожа на которых от старости стала почти полупрозрачной, обнажая синеватые нити нервных узлов, и с усилием провернул тугое бронзовое кольцо смотровой щели.

Свинцовая шторка со скрежетом разошлась на палец.

Из узкого окошка изнутри саркофага в тёмную воду грота ударил тусклый, мертвенно-голубой луч черенковского свечения. Там, за тройным кварцевым стеклом в запаянной колбе с тяжёлой водой, лежал кусок оплавленного, почерневшего коралла с Вирбира.

Едва невидимый поток гамма-квантов прошил воду перед алтарём, рой мелких биолюминесцентных рачков, круживших у лица патриарха, разом погас. Их крошечные хитиновые панцири побелели, скрутились, и десятки мёртвых телец бесшумно, словно серый пепел, посыпались на базальтовые плиты пола. Кончик правого щупальца Бульбулона, оказавшийся на самом краю луча, мгновенно обожгло сухой, колючей болью — древняя, унаследованная ещё с кембрия поломка в гене фермента *HGV-5894LA* не прощала виду Тракси даже секундного соприкосновения с ядерным огнём. На коже старика тут же вздулся багровый волдырь, край присоски почернел и начал отслаиваться.

Бульбулон не отдёрнул щупальце, пока не дочитал про себя древнюю формулу покаяния, и лишь затем со стуком захлопнул свинцовую заслонку.

— Шесть сотен циклов прошло, а камень всё ещё жалит так, словно ракеты Культа Процветания упали в океан вчера, — глухо пророкотал патриарх. Его голос под низкими сводами разлома звучал как перекатывание придонных валунов.

Из тени за колонной Коглавадра бесшумно выплыл младший архивариус Конклава — худой, длинномантийный Сифоний. Увидев свежий радиационный ожог на щупальце учителя, он испуганно вздрогнул и протянул баночку с заживляющей водорослевой слизью.

— Святейший отец, зачем вы снова открывали окошко без защитной перчатки? Счётчики внутри колбы дают сто сорок рентген в час! В вашем возрасте любая погибшая клетка может запустить распад мантии…

— Пусть болит, Сифоний, — Бульбулон отстранил баночку здоровым щупальцем и тяжело опустился на каменную скамью перед стелой Исхода. — Когда плоть помнит, как крошится клюв и мутнеет глаз от расщеплённого атома, труднее лгать самому себе. Жаль, что наши консулы в верхних куполах давно не спускались сюда без титановых скафандров.

Он не успел договорить.

Со стороны верхнего грузового шлюза по воде ударила резкая, бесцеремонная волна гидроакустического прожектора. Слепые креветки с писком брызнули в щели базальта. Тёмную, веками не тревожимую тишину святилища вспорол визгливый вой портативных бурильных резаков и гул тяжёлых грузовых ранцев.

Из входной арки в придел вплыла процессия из шести дюжих послушников в новеньких, сверкающих фиолетовым лаком нагрудниках Культа Добра. За спиной каждого висели пневматические долота и баллоны со строительной пеной. Возглавлял отряд молодой, лоснящийся от сытости каноник из Академии Добродетели Приората — его кожный узор переливался вызывающе-ярким золотистым узором победителей, а вокруг шеи болтался массивный платиновый медальон Партии Рекреации.

Каноник даже не поклонился алтарю Трёх Божеств. Брезгливо передёрнув мантией от ледяной четырёхградусной воды, он подплыл прямо к древней Стеле Двенадцати Ковчегов, где золотой насечкой по чёрному базальту были выбиты заветы первых капитанов, и ткнул коротким, ухоженным щупальцем в третью колонку текста.

— Вот этот абзац, — звонко скомандовал он рабочим через внешний усилитель вокодера. — Срезать на глубину трёх пальцев. Шлифовать вровень с плитой. Сверху закрепите новую бронзовую накладку с утверждённым текстом Синода.

Двое послушников тут же включили алмазные диски. По воде прокатился пронзительный, выворачивающий боковую линию скрежет камня. Посыпалась чёрная базальтовая крошка, стирая выбитые шесть веков назад слова: *«Плачьте об оставшихся в огне Вирбира, ибо они приняли муку ада, дабы двенадцать ковчегов ушли к чистым водам»*.

Сифоний замер, его жаберные крышки судорожно захлопали.

— Безумцы! Что вы творите?! — архивариус рванулся вперёд, пытаясь схватить одного из рабочих за шланг бура, но второй послушник грубо отшвырнул его ударом кованого налокотника в грудь. — Это же подлинник Третьего свитка! Его высекал сам капитан «Эры рассвета» в день приземления на Скроберру!

Каноник лениво повернул голову. Его большой, совершенно прозрачный молодой глаз с холодным любопытством скользнул по распластавшемуся на дне Сифонию, а затем остановился на медленно приближающемся из полумрака Бульбулоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.